
**ПУБЛИЦИСТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

Валерий Богушев
(г. Воронеж)

**ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС:
«О ЛЮБВИ И ДРУГИХ НАПАСТЯХ»***

Публицист. Окончил Воронежский политехнический институт. Публиковался в журналах «Подъем», «Приокские зори», а также в литературных изданиях Воронежа, Москвы, Сарова, Хабаровска.

Автор двух книг рассказов — «Хозяин Вселенной» (2000 г.) и «Парус на солнце» (2011 г.). Печатался в литературных изданиях Воронежа, Москвы, Сарова, Хабаровска. Давний друг и автор «Приокских зорь».

1

«Мне нравилось описывать то, что происходило со мной, но со мной, увы, ничего особенного не происходило...»,— сказал как-то лауреат Нобелевской премии по литературе Габриэль Гарсиа Маркес, и явно поскромничал. Чего стоит только история его любви!

Гарсиа Маркес охотно признает, что появлению на свет своих произведений, которыми зачитывается весь мир, он во многом обязан жене. Если бы не ее беззаветная любовь, терпение и поддержка, вряд ли нам посчастливилось бы когда-нибудь познакомиться с «Недобрым часом», удивиться вознесению на небо одной из героинь «Ста лет одиночества» Ремедиос Прекрасной, или узнать, как Флорентино Ариса лишь в старости добился счастья с отвергнувшей его в юности возлюбленной в романе «Любовь во время чумы».

История любви писателя к собственной жене началась во время каникул после окончания Национального лицея, которые шестнадцатилетний Габриэль проводил у своих родителей. Чтобы угодить «предков», он готовился к поступлению на юрфак университета. Сам же с детства бредил литературой, мнил себя писателем, которому оставалось только научиться писать, сочинял стихи. И вот случайно увидел на улице ту, о которой грезил в романтических виршах. Несколько дней сходил с ума по этой прекрасной смуглолицей девчонке, следовал за ней по пятам, пока не решился, наконец, познакомиться. Его избранницу звали Мерседес Барча, ей было всего тридца-

* К прошедшему юбилею книги Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», изданной полвека назад; см. № 4, 2017 «Приокских зорь».

дцать, она оказалась наполовину египтянкой и поражала воображение своеобразной красотой и загадочностью.

— Я вас люблю и прошу стать моей женой,— без обиняков сказал будущий писатель.— Вы согласны?

При этом так долго и неотрывно смотрел в ее глаза, что она, чутьем угадав свое будущее, едва выдохнула:

— Да...

Ее родители просили юношу повременить с помолвкой, пока их дочь хотя бы закончит школу. Судьба будет четырнадцать долгих лет бросать Гарсиа Маркеса по городам и весям, странам и континентам, прежде чем соблаговолит соединить с возлюбленной, обещавшей хранить ему верность.

За этот период в жизни Габриэля произошло множество событий. Их отсчет следует вести от первого опубликованного в столичной газете «Эспектадор» рассказа, после которого он решил бросить юридический факультет и начать зарабатывать на жизнь литературным трудом. Увы, по собственному признанию писателя, свой первый гонорар он получил за «Сто лет одиночества», когда уже были опубликованы четыре книги, за которые не получил ни песо. Но отступать от избранного пути было поздно.

Покинув столицу, Гарсиа Маркес работает репортером сначала в городе Барранкилья, на севере Колумбии, а затем в Картахену — на побережье Карибского моря. По всей видимости, журналистам в провинциальных газетах платили не слишком щедро, поэтому в 1953 году Габриэль, бросив все дела, отправился с другом в Ла-Гуайра продавать энциклопедии. Он много ездит по стране, пишет рассказы и, наконец, делает официальное предложение Мерседес. Минуло уже девять лет со дня их знакомства.

В 1954 году двадцатипятилетний Габриэль приехал в столицу подыскать личную работу: чтобы жениться, нужно твердо стоять на ногах. Приятель посоветовал попытаться счастья в оказавшейся неподалеку редакции газеты «Эспектадор», той самой, где был опубликован первый рассказ писателя. Гарсиа Маркесу повезло, и уже через одиннадцать дней его назначили редактором с солидным окладом. В то же время, поддавшись на уговоры друга, Гарсиа Маркес представил на национальный литературный конкурс рассказ «День после субботы» и занял первое место. Перед молодым человеком открывались заманчивые перспективы, но он имел неосторожность опубликовать на страницах газеты серию репортажей, основанных на рассказе моряка, спасшегося при крушении судна. Судно на самом деле занималось перевозкой контрабандных грузов, а в махинациях оказались замешаны высокопоставленные чиновники. Главному редактору пришлось отправить своего сотрудника корреспондентом в Рим, затем в Париж. Вскоре в Боготе происходит государственный переворот, и военная хунта закрывает «Эспектадор». Собственный корреспондент газеты в Европе лишился своего скромного заработка. Однако, возвращение на родину стало для Габриэля еще более рискованным. Он договорился о проживании в отеле в долг. Подобно молодому Хемингуэю, прогуливается натошак по улицам и бульварам Парижа, воздух которого благотворен для расцвета талантов, и по вечерам печатает на машинке роман, который позже назовет «Недобрый час». У него за плечами уже целый цикл рассказов, представляющих собой жутковато-мистическое художественное исследование зыбкой и не такой уж непроницаемой грани между этим миром и потусторонним. Сам писатель об этих своих ранних рассказах позднее скажет, что они совершенно не соответствовали его настроению и мироощущению...

2

В 1957 году из Боготы пришло известие об опубликовании романа «Палая листва», пролежавшего в издательстве три года. Это произведение было благосклонно

встречено критикой, и окрыленный первым успехом писатель принял решение расплатиться с долгами и вернуться на родной континент.

Перед тем как надолго покинуть Европу, Гарсиа Маркес совершил путешествие за «железный занавес». «Нас было трое, пустившихся на подобную авантюру: Жаклин, француженка индокитайского происхождения, модельер одного из парижских журналов; странствующий итальянец Франко, нештатный корреспондент миланских газет, жилищем которому служило место, где его застанет ночь; третьим был я, носящий имя, записанное в моем паспорте. Все началось в одном франкфуртском кафе 18 июня в 10 часов утра. Франко для летних путешествий купил французский автомобиль и решительно не знал, что с ним делать, а потому и предложил нам «поехать посмотреть, что находится за «железным занавесом»,— так в своей обычной, живописно-ироничной, завораживающей манере Гарсиа Маркес начинает очерк «Из путешествия по странам социализма».

Кое-как уладив таможенные формальности, молодые люди пересекли границу ГДР. В описании этой страны преобладают недоуменные и тревожные нотки. «За две недели до этого,— пишет Маркес,— словно по прихоти случая — мы побывали в Гейдельберге, студенческом городе Западной Германии, впечатляющем своей открытостью и оптимизмом, как ни один другой в Европе. Лейпциг — тоже университетский город, но город печальный, где старые трамваи набиты унылыми, скверно одетыми людьми. Думаю, на полмиллиона жителей там еле наберется два десятка автомобилей.

Мы не могли понять, почему народ Восточной Германии, взявший в свои руки власть, средства производства, торговлю, банки, связь, был тем не менее грустным народом, самым грустным народом, какой я когда-либо видел». Еще один сразу бросившийся в глаза иностранцам изъян социализма — медленное обслуживание и очереди. «Забота о массе мешает видеть отдельного человека»,— так попытался объяснить Гарсиа Маркес причину разочаровавших его негативных явлений, с которыми пришлось затем столкнуться и в Польше, и в Чехословакии, и в Венгрии, где совсем недавно был подавлен контрреволюционный мятеж. Уже в ту пору неравнодушному взору писателя открылись симптомы болезни, через несколько десятилетий приведшей к краху социалистическую систему. В то же время писатель утверждал: «Я верю, что рано или поздно мир станет социалистическим, и чем раньше, тем лучше». Самое сильное впечатление на Маркеса за «железным занавесом» произвела поездка в СССР на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, куда он вместе с Франко отправился на поезде. На первой же станции после пересечения границы испытывающий ностальгию по родине писатель замечает: «Здесь царили деревенская атмосфера и провинциальная скудость, мешавшие мне ощутить разницу в десять часов, что отделяла меня от колумбийских деревень».

В Киеве во время стоянки состава делегатам фестиваля была устроена торжественная встреча. «Когда поезд тронулся, мы обнаружили, что на рубашках не хватает пуговиц, и было не просто войти в купе, заваленное цветами, которые бросали через окно,— вспоминает Гарсиа Маркес, и так и видишь в этой фразе его добродушную усмешку.— Казалось, мы попали в гости к сумасшедшему народу — даже в энтузиазме и щедрости он терял чувство меры». Затем приводит еще один курьезный случай. «Я познакомился с немецким делегатом, который похвалил русский велосипед, увиденный на одной из станций. Велосипеды очень редки и дороги в Советском Союзе. Девушка, хозяйка велосипеда, сказала, что дарит его ему. Он отказался. Когда поезд тронулся, девушка с помощью добровольных помощников забросила велосипед в вагон и нечаянно разбила делегату голову. В Москве можно было наблюдать картину, ставшую привычной на фестивале: немец с перевязанной головой, разъезжающий по городу на велосипеде». В отточенной лаконичности стиля уже угадыва-

ется создатель гениально краткого и выразительного описания утра в деревне: «Голубая влага, наполненная петушиными криками»...

А вот взгляд мало кому тогда известного иностранца на Москву и москвичей. «Москва — самая большая деревня в мире». «Исчезновение классов — впечатляющая очевидность: все одинаковы, все в старой и плохо сшитой одежде и обуви. Они не спешат и не суетятся, и, кажется, все их время уходит на то, чтобы жить». Последняя фраза, близкая по стилю и глубине к платоновской прозе, невольно наводит на сравнение того времени с нынешним...

3

После двух лет, проведенных в Европе, «магия реальной жизни» забросила писателя в Венесуэлу с нехитрым скарбом и неоконченной рукописью романа «Недобрый час», скатанной в трубочку и перевязанной галстуком — последним галстуком, который он когда-либо носил. Путь на родину был для Гарсиа Маркеса заказан. Чтобы понять — почему — достаточно прочитать созданную им в это время повесть «Полковнику никто не пишет». Именно тогда, в ответ на произвол диктатуры, в Колумбии зародилось партизанское движение.

И все-таки писатель рискнул в 1958 году приехать в родную страну, чтобы жениться на Мерседес, которая ожидала его в Барранкильи четыре года. Затем вместе с молодой женой снова вернулся в столицу Венесуэлы Каракас.

В 1959 году родился сын Родриго, и семья переезжает в Нью-Йорк, где Гарсиа Маркес становится заведующим Североамериканским отделением кубинского агентства «Пренса Латина».

Затем снова переезд — в Мехико. В начале шестидесятых Габриэля навещил уже известный нам приятель из Колумбии и снова предложил принять участие в национальном литературном конкурсе. По просьбе мужа Мерседес достала спасенную ей однажды от мусорного ящика рукопись романа «Недобрый час», которую хранила в... отхожем месте. Отправленный с пометкой «Без названия», роман одержал победу. По свидетельству самого писателя, три тысячи долларов за него были получены в 1962 году в тот день, когда нужно было платить за пребывание Мерседес в клинике, где она родила второго сына, нареченного Гонзало. (Кстати, Гарсиа Маркес однажды, будучи уже немолодым, признался, что всю жизнь мечтал о дочери). Оставшихся от премии денег хватило на автомобиль.

На этом автомобиле в январе 1965 года мало кому еще известный писатель с женой и детьми отправился на отдых в Акапулько — живописный курорт на побережье Тихого океана. Габриэлю неожиданно приходит в голову весьма удачное начало давно задуманного романа, который впоследствии назовет «Сто лет одиночества». Скрипят тормоза, машина разворачивается с полпути, жена восклицает: «Ты спятил!», и... они возвращаются в Мехико. Он уединяется в комнате и сочиняет, печатая на машинке ежедневно без передышки восемнадцать месяцев, выкуривая по шесть пачек сигарет в день. Автомобиль был продан, все бытовые приборы заложены, чтобы Мерседес могла кормить семью и снабжать мужа бумагой и сигаретами. Какая еще женщина согласилась бы на такое! Тем не менее, писателю ни разу не пришлось услышать упреков, что деньги кончились и что под конец задолжали за квартиру за девять месяцев. «Сто лет одиночества» вобрали в себя воспоминания и впечатления детства, когда маленький Габо был оставлен на попечение дедушки и бабушки в старом доме в Аракатаке, в котором он родился. Роман, написанный в манере магического реализма, имел шумный успех и разошелся миллионными тиражами по всему миру.

Владимир Десятников
(г. Москва)

ПОДВИЖНИК

Ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный деятель искусств РСФСР, Почетный член Российской академии художеств, член Союза художников и Союза писателей России, лауреат премии СП РФ «Имперская культура России», вице-президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Родился 26 января 1931 г. в селе Бахты Семипалатинской области (на границе с Китаем) в семье начальника погранзаставы. В 1943 г. был принят в Ташкентское суворовское училище. Демобилизовался после шестнадцати погонных лет в звании капитана. В 1965 г. окончил истфак МГУ (отделение теории и истории искусства). В марте 1963 г., будучи студентом, организовал запись знаменитых Ростовских звонов, пластинка с которыми разошлась по всему белому свету. Публиковался во многих журналах.

Спустя 90 лет после закрытия (1923) альманаха «Маковец», издававшегося о. Павлом Флоренским, С. В. Герасимовым, В. А. Фаворским и др., возобновил и выпустил четыре номера альманаха истории и литературы «Маковец благословенный».

В давнюю мою бытность сотрудником Министерства культуры СССР случай свел меня с архитектором-реставратором Петром Дмитриевичем Барановским. Ему тогда исполнилось семьдесят лет, и реставрационная мастерская, где он работал, представила его к присвоению почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Петр Дмитриевич принес в министерство автобиографию, фотокарточку, листок по учету кадров и список творческих трудов. Старший инспектор отдела кадров, подполковник авиации в отставке, полистал документы Барановского и безапелляционно заявил:

— Какое вам может быть звание? Вы всю жизнь церкви реставрировали.

Продолжать разговор было бессмысленно. Петр Дмитриевич положил бумаги в потертый портфель с ручкой, оплетенной синей изоляционной лентой, и вышел. Мне было стыдно за моего коллегу, но служебная этика не позволяла встречать в разговор. Тем более что бывший подполковник был еще и бывшим мужем министра. Прямым заступничеством можно было испортить все дело. Я вышел из кабинета и побежал в гардероб. Петр Дмитриевич неспешно надевал свой темно-серый демисезон, в котором он выглядел скорее мастеровым, но никак не ученым. Извинившись, я попросил его отдать мне принесенные документы. Расчет мой был простой. Бывший подполковник частенько прихварывал. Я надеялся в его отсутствие заготовить необходимые бумаги и подписать у начальства. В то время я учился в МГУ и знал, что П. Д. Барановский приступил к реставрации Крутицкого подворья в Москве. Знал я и другое — что человек он прямой и у него много недоброжелателей. Звание ему нужно было не корысти ради, а как щит от несведущих людей, а то и заведомых врагов.

Звание Петру Дмитриевичу все-таки присвоили. Последние двадцать лет жизни он охотно ставил свою подпись в защиту памятников Отечества на прошениях, где нужен был высокий ранг челобитчиков. Что касается личной выгоды, то Барановский никогда ее не искал. Несмотря на огромную разницу в возрасте, мы подружились с Петром Дмитриевичем, и я стал бывать у него дома. Он жил с женой — Марией Юрьевной в маленькой коммунальной квартире в бывших больничных палатах Новодевичьего монастыря. Мария Юрьевна относилась ко мне тепло, по-матерински. Она была известным ученым, специалистом по декабристам и крупнейшим знатоком московских некрополей. На ее долю пришелся нелегкий и скорбный труд быть секретарем комиссии по эксгумации и переносу могил Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, С. Т. и К. С. Аксаковых, Д. В. Вeneвитинова и многих других, кому не повезло в 1930-е годы. Это она тогда записала, что корень березы, посаженной над могилой Вeneвитинова в Симоновом монастыре, пророс через сердце поэта. Ею был передан в Литературный музей перстень с руки Вeneвитинова. Найденный при раскопках Геркуланума, этот античный перстень был подарен поэту Зинаидой Волконской. Овеянный легендой перстень поэта экспонируется сейчас в Литературном музее.

Петр Дмитриевич и Мария Юрьевна Барановские были моими духовными наставниками. Однако это наставничество не носило характер «послушания», хотя мои «духовники» и жили на территории монастыря. В тихой «келье» Барановского мне чаще приходилось слышать не «акафисты», а «анафемы». Нередко я узнавал здесь такие факты из нашей недавней истории, что доверять памяти не решался и, придя домой, подробно записывал содержание бесед. С годами составила целая книга, в которую вошли беседы с Барановским, их друзьями.

Можно ли забыть рассказ П. Д. Корина о Чудовом монастыре в Московском Кремле, основанном митрополитом Алексием в 1365 г., незадолго до Куликовской битвы. С конца XIV в. монастырь был центром книгописания. В XVII в. в нем была учреждена Греко-латинская школа, преобразованная впоследствии в академию. Чудов монастырь не раз служил ареной важных событий в жизни Руси. Отсюда происходит беглый инок, ставший самозванцем Лжедмитрием. Здесь был насильственно пострижен царь Василий Шуйский. В подвалах Чудова монастыря в 1612 г. голодной смертью умер патриарх Гермоген, не покоровшийся интервентам и призывавший народ к восстанию против них. В 1667 г. в монастыре проходил собор, лишивший патриарха Никона его высокого сана. В 1812 г. в Чудовом монастыре помещался штаб Наполеона.

Главная монастырская церковь Чуда Архистратига Михаила была сооружена в 1504 г. и расписана уникальными фресками. В 1930-х годах П. Корин с реставратором С. Чураковым участвовал в снятии со стен собора фресок, так как собор «в связи с новым строительством» подлежал сносу. На эту сложную работу (фрески снимали вместе со штукатуркой) ушло несколько месяцев. Снятые фрески аккуратно складывали в ящики, чтобы потом все можно было вывезти и смонтировать для экспозиции в одном из музеев.

И вот однажды, когда Павел Корин работал в своей мастерской, туда влетел, рыдая, с воплями, Чураков, в течение нескольких минут Корин с женой ничего не могли понять и не могли добиться от Чуракова внятного ответа. Потом все прояснилось. Оказалось, что собор Чудова монастыря взорвали и древнейшие фрески погибли. «Уже бо секыра при корени древа лежит», — любил повторять в таких случаях Павел Корин слова из Евангелия.

Единственный, кому все-таки разрешили войти в храм Чуда Архистратига Михаила перед его сносом, был П. Д. Барановский.

— У вас всего три минуты. Берите все, что сможете вынести, — сказали ему.

Петр Дмитриевич вынес из храма и спас мощи святителя и чудотворца Алексия, митрополита Московского. Святыня эта находится сейчас в храме Христа Спасителя и ждет своего возвращения в Кремль.

Вся «келья» Барановского была уставлена стеллажами с папками, на корешках которых были надписи: «Шатровое зодчество!», «Кавказская Албания», «Словарь древнерусских зодчих», «Троице-Сергиева лавра», «Музеи под открытым небом», «СОПИ», то есть «Слово о полку Игореве», Смоленск...

Помню, как мы — группа экскурсантов во главе с П. Д. Барановским, приехали в родной его Смоленск. Петр Дмитриевич знакомил нас с отреставрированной им церковью Петра и Павла на Городянке (1146 г.), которая стоит нынче чуть ли не на путях железной дороги, рядом с вокзалом. Потом мы ходили к тому месту на Смядыне, где согласно «Сказанию о Борисе и Глебе» в сентябре 1015 года повар Торчин зарезал князя Глеба. Сыновья Владимира I Борис и Глеб, убитые по замыслению их старшего брата Святополка, прозванного Окаянным, были канонизованы и стали первыми русскими святыми. Прочитав лекцию о братоубийстве в борьбе за великокняжеский престол, Барановский повел нас показывать творение своего любимого зодчего Петра Милонегга — Свирскую церковь Михаила Архангела (1190-е годы). К середине дня мы так «укатались» по крутым смоленским холмам, что взмолились и стали просить «пардона» у «двужильного» Петра Дмитриевича, а он постыдил нас, молодых, и повез в Талашкинский музей.

Талашкино — гордость Смоленской земли, подлинный бастион национального самосознания нашего народа. Здесь бывали И. Е. Репин, М. А. Врубель, С. В. Малютин, В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, Н. К. Рерих. Они помогали хозяйке Талашкино — М. К. Тенишевой в благородном ее начинании — возрождении кустарных народных промыслов, сами много и плодотворно работали.

Деятельность Марии Клавдиевны поистине многогранна. Она была способной художницей и певицей, археологом, пытливым исследователем искусства, коллекционером. М. К. Тенишева сумела сделать Талашкино художественным центром, известным не только в России, но и во Франции.

Наша экскурсия в Смоленск была рассчитана всего на один день, потому так и «спрессовал» всю программу Петр Дмитриевич. Осмотрев Талашкинский музей, мы на одной из аллей тенишевской усадьбы остановились перед стендом, на котором была изображена пушка и на ней — птица.

— Что это за птица? — спросил Петр Дмитриевич.

— Вещая птица Феникс — символ Смоленска, — ответили мы. — Сколько город ни разрушали, он снова, как Феникс, восставал из пепла.

На долю П. Д. Барановского (а прожил он девяносто два года) выпало «свить славу обеих половин» минувшего яростного, порубежного века. В 1912 году за проект реставрации собора Болдинского монастыря под Дорогобужем, построенного великим зодчим Федором Конем, выпускник Московского строительного-технического училища двадцатилетний крестьянский сын Петр Барановский был награжден медалью Русского Археологического общества. Потом была служба помощником архитектора на Тульском чугуноплавильном заводе, в Управлении строительства Среднеазиатской железной дороги в Ашхабаде и одновременно учеба на искусствоведческом факультете Московского археологического института. Не миновала Барановского и Первая мировая война. Он был мобилизован в 3-ю инженерную дружину и служил начальником команды, строившей укрепления на Западном фронте. В этой должности П. Д. Барановский встретил Октябрьскую революцию. Почти вся 3-я ин-

женерная дружина самовольно разъехалась по домам, а он опломбировал склады и стал охранять их. Такой уж он был человек — преданный долгу до конца.

Весной 1918 года П. Д. Барановский, с золотой медалью окончив институт, получил диплом историка архитектуры и был рекомендован известными учеными В. К. Клейном и В. А. Городцовым для педагогической работы. За нескольких месяцев Барановский написал диссертацию о памятниках Болдинского монастыря. Учитывая важность научных открытий, ему было присвоено профессорское звание, он был избран членом-корреспондентом Всероссийской Академии истории материальной культуры, позднее упраздненной.

В конце 1918 года началось восстановление памятников Ярославского Спасо-Преображенского монастыря, разрушенных при подавлении эсеровского мятежа. Шла Гражданская война. Казалось бы, можно было подождать конца войны, чтобы изыскать средства для реставрации. Тем не менее, восстановительные работы начались сразу же после подавления мятежа. Ведь это были памятники того самого монастыря, где было найдено «Слово о полку Игореве»! Руководить реставрацией назначили профессора в солдатской шинели — П. Д. Барановского.

Созданный П. Д. Барановским и М. И. Погодиным Музей деревянной скульптуры в Болдинском монастыре насчитывал более сотни первоклассных произведений народного искусства. Основу коллекции составляли деревянные боги, собранные в Догобужском, Рославльском, Ельнинском уездах. Среди них были шедевры, восхищавшие самых строгих ценителей искусства.

Во время одной из наших встреч с академиком С. Т. Коненковым я рассказал ему, что собираю материал для книги о русской народной деревянной скульптуре. Сергей Тимофеевич живо заинтересовался этим и попросил показать ему фотографии скульптуры. Я выбрал из своей фототеки несколько десятков наиболее интересных произведений и принес их Коненкову. Он разложил фотографии на рабочем столе и к моему удивлению отобрал среди них работы смоленских резчиков, хотя фотографии не были подписаны.

— Как вам это удалось? — спросил я Сергея Тимофеевича.

— Никакого секрета нет, — ответил Коненков. — Так же как фольклорист безошибочно определит по мелодии и говору песню северных крестьян от казачьей песни, так и для меня не составляет труда смоленскую скульптуру отличить от северной или от пермской.

Музей в Болдинском монастыре пользовался большой популярностью у жителей окрестных сел. Приезжал подивиться «деревянными богам» и народ из дальних сел. Этому в немалой степени, как оказалось, способствовал хитроумный монашек-скопеец, живший в сторожке при закрытом монастыре. С его помощью в музее стали происходить «чудеса». В одну из ночей из экспозиции пропала скульптура Николы Чудотворца. Утром ее нашли в лесной часовне, откуда она ранее поступила в музей. Скульптуру при большом стечении народа водворили в музей. Через несколько дней она из-под замка «покинула» музей и вновь «обретохося» в часовне. Молва о том, что Никола не хочет быть в музее, быстро облетела весь уезд. За Николой «тронулись» в дорогу и другие скульптуры, но «чудо» было скоро разоблачено. Погодин объявил, что Барановский уехал в Смоленск. Музей был закрыт на самый большой амбарный замок и опечатан. Двое суток просидел Барановский взаперти, пока монашек не решился на совершение очередного «чуда». Ночью он потайным ходом (в стене трапезной) проник в помещение, где была развернута экспозиция, поменял платки Параскевам, надел новые лапти на «собравшегося» в дорогу Николу, положил свежие цветы у распятия. За этим занятием его и застал Петр Дмитриевич. Пришлось монашку каяться при всем честном народе.

Барановский и Погодин прекрасно понимали, что собранная ими коллекция деревянной скульптуры имеет всемирное значение. Они готовили к изданию книгу о смоленской скульптуре. Война помешала осуществить их замысел. В огне пожарищ погибли шедевры, могущие составить славу любой национальной школе ваяния.

В экспедициях Петр Дмитриевич трудился буквально с утра и до ночи. Человек он был жадный до работы, и не все рядом с ним могли выдержать те нагрузки, которые он задавал. Архитектор Г. И. Гунькин рассказывал, как напряженно они работали в горах в селе Кум. Обмерили Круглый храм, а диаметр барабана измерить не удалось. Тогда обвязали веревкой Барановского, и он, как верхолаз, работал до самой ночи. Кончилась еда. Барановский говорит: «Сделаем дело — спустимся, поедем».

Работоспособность у П. Д. Барановского была редкостной. Помню, несколько активистов Общества охраны памятников собрались вечером у Петра Дмитриевича. Надо было срочно написать и утром представить начальству письмо о катастрофическом состоянии памятников русского деревянного зодчества и мерах по их спасению. Часам к трем из нас дух вон — не работа, а сплошной митинг. Петр Дмитриевич, видя это, отошел в сторонку, сел и спокойноенько пункт за пунктом все написал — и констатацию, и проект постановления. Нам его работа показалась чересчур сухой, неэмоциональной. Однако бумагу Петра Дмитриевича приняли, распечатали и разослали на места, а нашу завернули по первому разряду.

...Неподалеку от центра Москвы, на крутом берегу Яузы, стоит один из древнейших форпостов столицы, некогда прикрывавший ее с юга. Это Спасо-Андроников монастырь. Он был основан около 1360 года. Первым его игуменом был преподобный Андроник — ученик преподобного Сергия Радонежского. Здесь русские войска в 1380 году, уходя на битву с ордами Мамаю, прощались с Москвой. Сюда они вернулись победителями.

Трудно сказать, кто из больших русских писателей и деятелей культуры не побывал в Андрониковом монастыре за его многовековую историю. И все же первым в этом ряду должен быть назван гениальный Андрей Рублев. Земно поклонившись в воротах монастыря, он уходил отсюда в 1405 году расписывать вместе с Феофаном Греком и Прохором с Городца Благовещенский собор Московского Кремля, а тремя годами позже, в мае 1408 года, — Успенский собор во Владимире. В 1420-х годах «андрионовские старцы» Андрей Рублев и Даниил Черный — «мужи в добродетели совершенны» — руководили артелью художников, работавших в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры. К этому времени относится создание Рублевым всемирно известной иконы «Троица», написанной «в похвалу» Сергию Радонежскому. Последней работой гениального мастера, «всех превосходящего в мудрости зелье», были росписи в Андрониковом монастыре.

11 февраля 1948 года П. Д. Барановский сделал доклад в Институте истории искусств АН СССР, в котором изложил свои изыскания. По Барановскому выходило, что Андрей Рублев умер 29 января («на память преподобного отца нашего мученика Игнатия Богоносца») 1430 года.

Торжественное открытие Музея имени Андрея Рублева состоялось в 1960 году. Во всем мире тогда праздновалось 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси. Среди тех, кто при открытии музея скромно стоял в сторонке от большого начальства, был и Петр Дмитриевич, без которого, пожалуй, и музея-то этого не было бы.

Петр Дмитриевич Барановский был не просто реставратором, а широко образованным историком культуры. Академик И.Э. Грабарь говорил, что такого архитекто-

ра-эрудита нет и во всей Европе. Петр Дмитриевич был последователем всемирно известного ученого Н. П. Кондакова. С гордостью за своего учителя он говорил: «А знаете, что один из крупнейших мировых семинаров византинистов называется Кондаковيانум!» К сожалению, сам Петр Дмитриевич, хотя и получал персональные приглашения, ни на один из этих семинаров так и не смог выехать. Причиной тому была злополучная статья 58 УК РСФСР: он воспротивился сносу храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

За свою жизнь П. Д. Барановский разработал проекты и восстановил более ста памятников национальной архитектуры. «Каждая реставрация Барановского,— писал И.Э. Грабарь,— это защита докторской диссертации». Петр Дмитриевич был одним из основоположников советской реставрационной науки. Им разработана вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства. За 70 лет работы в библиотеках и архивах он собрал уникальный материал к «Словарю древнерусских зодчих» — более 1700 имен.

С начала Великой Отечественной войны фашисты принялись планомерно, с немецкой методичностью крушить наши памятники, святыни. Сталин поручил члену Политбюро Н. М. Швернику сформировать Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию фашистских злодеяний на временно оккупированной советской территории. В Комиссию вошли многие выдающиеся люди: писатели А. А. Фадеев и А. Н. Толстой, историк искусства, академик И. Э. Грабарь, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)... Грабарю доверено было создать экспертный совет по оценке ущерба, причиненного нашим музеям, памятникам истории и культуры. В число экспертов Грабарь включил «пораженца в правах» Барановского и доказал Швернику, что не ошибся: лучшего специалиста не найти. П. Д. Барановский с передовыми частями Красной армии входил в развороченную толстовскую Ясную Поляну, пушкинское Михайловское, в порушенную Вязьму и Смоленск, Киев и Чернигов.

Петр Дмитриевич Барановский — личность легендарная. Он стоит у истоков создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Его перу принадлежит первый проект устава Общества, когда об Учредительном съезде общественность только еще мечтала. Активная гражданская позиция Барановского ярко проявилась при создании первого в стране молодежного реставрационного клуба «Родина». Собрав московских комсомольцев — школьников, студентов, рабочих,— он обучил их и на общественных началах приступил к восстановлению выдающегося памятника древнего зодчества — Крутицкого подворья. В 75 лет во время работы на Крутицах он упал с лесов и сломал ребро. Через месяц его снова видели на лесах. Человек он был неумный, принципиальности — гранитной. Недаром ведь «Петр» по-гречески — камень. Друзья называли его Аввакумом XX века. Таким он оставался до самых последних своих дней. Помню, мы разбирали архив, который Петр Дмитриевич безвозмездно передавал в Государственный научно-исследовательский музей имени А.В. Щусева. На фотографии я увидел человека, который смотрелся маленькой точкой на куполе церкви Вознесения в Коломенском.

— Кто этот верхолаз и что он там делает? — спросил я.

— Как кто? Я, чиню крышу,— ответил Барановский.

— Как вы туда залезли?

— Вылез в окошко, что в основании шатра, а потом по цепи до купола.

— И не побоялись?

— А что тут такого? У меня нет страха высоты. Я и сейчас бы туда залез,— сказал Петр Дмитриевич.

И залез бы! Сомневаться не приходится.

Вячеслав Алтунин
(г. Тула)

ВЗОРВАННЫЕ БУДНИ, ИЛИ ПАДЕНИЕ РОССИИ

**(Субъективные заметки о чеховской тетралогии
«Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад»)**

Окончил Казанский государственный университет. Печатался в газете «За коммунизм», публиковался во всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», литературном альманахе тульских писателей «Иван-Озеро». Лауреат Тургеневской премии Союза писателей России, дипломант конкурса «Потенциал России» (ЦФО). Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

«...И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни, о которых ты будешь говорить: «Нет мне удовольствия в них!» — Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем... Суета сует, сказал Екклесиаст, все — суета!»

(Екклесиаст 12; 1, 6)

«Мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг»

(А. П. Чехов. «Дядя Ваня»)

Несколько предварительных замечаний

«То действие, которое есть в пьесах Чехова, происходит где-то за кулисами». (Из критических статей конца XIX века)

В нынешнем 2018-м году исполняются два юбилея, имеющие прямое отношение к чеховской драматургии: 120-летие триумфальной постановки «Чайки» в Художественном театре Станиславским и Немировичем-Данченко и 115-летие окончания работы Чехова над «Вишневым садом». Эти два события обозначили два важнейших этапа: начало и окончание великой чеховской тетралогии о духовном кризисе русского общества и — как следствие этого кризиса — о падении России, приведшем к первой русской революции 1905—1907 годов, а затем к Февральской и Октябрьской революциям 1917 года, в результате которых у России, по образному выражению философа Ивана Ильина, был «переломлен позвоночник, и перелом этот сросся неправильно, уродливо».

А между «Чайкой» и «Вишневым садом» были еще «Дядя Ваня» и «Три сестры»,

пьесы глубоко трагические, хотя сам автор и называл их «комедиями». Впрочем, о том, где в чеховских пьесах комичное, а где трагическое, мы еще поговорим в свое время и в своем месте. А пока — несколько совершенно необходимых предварительных замечаний, без которых, по моему глубокому убеждению, невозможно понимание смысла и глубины чеховских пьес. Споры о драматургии Чехова, начавшись в конце позапрошлого века, продолжают до сих пор. Оценки звучат разные, порою диаметрально противоположные. Одни вслед за Толстым, Буниным и другими считают пьесы Чехова слабыми, а его самого просто плохим драматургом, другие говорят об их гениальности, не понимая, впрочем, в чем она состоит. Замечания, которые необходимо сделать, суть следующие...

Во-первых, «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад» — это именно тетралогия, цикл драматических произведений, объединенных общим замыслом, художественно-философской концепцией, сквозными темами, деталями и представляющих собой единое художественное целое, как бы одно произведение о духовном кризисе русского общества и о последовавшем за ним падении России. Пьес — четыре. В каждой из них по четыре действия. Действие происходит в четырех временах года: зима, весна, лето и осень и в четырех временах суток: утро, день, вечер и ночь. Этот принцип четверичности, которым пронизана вся тетралогия, — знак, поданный Чеховым: все четыре пьесы суть одно, одна драма о России и людях России, причем каждая из них, по законам драматургии, представляет собою акт в этой драме. «Чайка» — первый акт, завязка, «Дядя Ваня» и «Три сестры» — второй и третий акты, где действие развивается, набирает остроту и трагизм, чтобы достигнуть высочайшей степени того и другого в «Вишневом саде». Один из важнейших сквозных образов, проходящих через всю тетралогия, — образ струны, натягивающейся все больше и больше и наконец лопающейся от перенапряжения.

Во-вторых. Очень важно! Понимание чеховских пьес невозможно без Евангелия, Псалтири, творений святых отцов Православной Церкви — в общем, от всей системы православного вероучения. Чехов — духовный писатель, это аксиома. Его произведения буквально пронизаны духом евангельских заповедей и проповедей Христа, православной этикой. Помимо его пьес достаточно вспомнить такие повести и рассказы, как «Студент», «Святая ночь», «Княгиня», «Три года», «Убийство», «Моя жизнь», «Архиерей», «Черный монах» и многие другие. Произведения Чехова отсылают нас к евангельским притчам, к апостольским посланиям, поучениям святых отцов. В общем, пьесы Чехова религиозны в высшем смысле этого слова. И неправ был Лев Толстой, говоря о том, что в чеховских пьесах нет «религиозной темы, уяснения религиозного сознания». Все это как раз там содержится в большой степени, только не выпирает наружу, а как бы растворено в разговорах, диалогах, поступках действующих лиц, их взаимоотношениях, а главное — проходит глубоким подтекстом, глубинным течением в каждой из его четырех рассматриваемых пьес.

В-третьих. Пьесы Чехова основаны на тех глубоких и тонких законах бытия, которые пока не открыты и не определены с научной точностью, но тем не менее именно они-то в решающей степени и управляют событиями нашей жизни, судьбами людей, судьбою страны. Чехов говорит о них так: «Я не могу эти законы понять. Но иногда мне кажется, что я их чувствую». И вот в своих пьесах он не только их чувствует, но и показывает, как они действуют, работают, — случай уникальный не только в русской, но едва ли и не в мировой драматургии. В этом смысле прав критик конца XIX века, писавший: «То действие, которое есть в пьесах г. Чехова, происходит где-то за кулисами». Верно! То, что мы видим на сцене или читаем, — лишь образы происходящего в душах людей, в России да и во всем мире, где борются не человеческие, а космические силы Добра и Зла, Света и Тьмы. Недаром же в финале «Вишневого сада» звук лопнувшей струны доносится «как бы с неба» (ремарка Чехова).

В-четвертых. Чехов убежден: ресурсы, отпущенные Богом каждому человеку, стране и всему земному миру, исчерпаемы и невозполнимы. Тут самое время вспомнить евангельскую притчу о блудном сыне, который взял свою часть имения у Отца (Бога) и отошел в страну далекую, где и прожил все, «живя распутно». И в результате стал нуждаться, голодать. Однако «пришел в себя» и принял верное решение: вернулся к Отцу, покаялся и вновь обрел Его расположение и любовь.

У русского общества не хватило (да и сейчас не хватает) духовных сил и мудрости, чтобы сделать то же самое: вернуться к Богу и покаяться, и через это покаяние спастись и духовно, и телесно.

Тех, кто легко относится к жизни, ее законам, к собственным духовным ресурсам, ждет суровое наказание и духовное банкротство. Образно говоря, струну нельзя натягивать, напрягать до бесконечности. В какой-то миг она лопнет и вслед за тем последует хаос, распад, всеобщая катастрофа, что и случилось с Россией в начале прошлого века. И Александр Солженицын имеет в виду именно это, когда говорит, что «Россия проиграла двадцатый век».

Наконец, в-пятых. Мир, говорит Чехов, гибнет не от войн, голода, эпидемий, экономических кризисов, природных или техногенных катастроф, а от духовного, нравственного падения каждого отдельного человека и через то всего общества в целом. Это хорошо понимал последний русский император Николай Второй, который, прервав Столыпина, докладывавшего о стремительном росте экономики России, заметил: «Все так, Петр Аркадьевич, но меня тревожит другое: повсеместное падение нравов, оскудение веры, а это поважнее железных дорог и мостов».

Чехов чувствовал болезни России так, как до него их ощущали, пожалуй, только два человека: Гоголь и Достоевский. Непостижимым, мистическим образом его собственное физическое и духовное состояние совпало с состоянием России, и именно Чехову суждено было сказать самые глубокие, беспощадные и горькие слова о ее трагической судьбе и причинах трагедии.

Героев всех четырех чеховских пьес, четырех актов этой великой трагедии, можно поделить на три категории, каждая из которых выполняет свои функции, играет свою, строго определенную роль, а отыграв, сходит со сцены, как театральной, так и исторической. Рассмотрим вкратце каждую из этих категорий.

Часть первая. КОМЕДИАНТЫ

*«И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем вокруг,
такая пустая и глупая шутка»...*

(М. Ю. Лермонтов)

«Я трагедию жизни претворю в грезофарс!»

(Игорь Северянин)

В 1896 году, во время работы над «Чайкой», Чехов, как врач, уже понимал, насколько серьезно его состояние, как тяжело и неизлечимо он болен. Его болезнь — туберкулез легких — обострялась, и жить писателю оставалось неполных восемь лет. До первой русской революции оставалось 9 лет, до катастрофы 1917 года — 21 год. Несмотря на бурное развитие промышленности, шахт, железных дорог, Россия переживала довольно трудные времена. В стране шли крайне негативные процессы, как ни странно, спровоцированные именно промышленным бумом. Шло и набирало темпы массовое разорение помещичьих усадеб, всех этих дворянских гнезд с их темными липовыми аллеями, вишневыми садами и антоновскими яблоками. Что шло на

смену? Запустенье. Нищета. Разорение деревни. В народе, прежде всего в крестьянстве, подобно гремучей смеси, накапливалось недовольство, раздражение, социальное напряжение, которое скоро приведет к взрыву. Сельское производство падало. Крестьяне в поисках заработков толпами уходили в города, на железную дорогу, на шахты, пополняя ряды промышленного пролетариата. В деревнях увеличивалось число бедных, люмпенизированных крестьян, которые, как известно, являются прекрасной питательной средой для всякого рода потрясений. Рушился вековой уклад, основанный на православной вере и евангельских принципах. Лев Толстой пророчески писал о том, что таким образом формируется «армия Стеньки и Емельки», то есть орда бунтовщиков, которая способна в пух и прах разнести всю российскую государственную систему (см. его очерк «Три дня в деревне»). Массовые поджоги помещичьих усадеб и зажиточных крестьянских хозяйств, городских кварталов в 1902-1905 годах — все это подтвердило предвидение Толстого и явилось огненным прологом к первой русской революции.

Назрел и разразился духовный кризис, прежде всего затронувший духовенство и интеллигенцию. Положение в церковной и интеллигентской среде точнее всего можно охарактеризовать словами Ленина «разброд и шатание». Терялись, девальвировались казавшиеся незыблемыми основополагающие нравственные, духовные принципы, возникали разного рода секты, оккультные учения, большую популярность обрела мистическая философия Сведенборга, Блаватской, мрачные пророчества Парацельса и Нострадамуса. Авторитет православной церкви был низок как никогда. Писатель Сергей Нилус свидетельствует: в начале двадцатого века человеку в священническом или монашеском облачении небезопасно было появляться на улице, в публичных местах: его осыпали оскорблениями, насмешками, могли и побить. Наряду с мистическими учениями все большую популярность обретают материализм, атеизм, научно-рационалистические теории, а православие объявляется «мракобесием». На всю страну прозвучал голос Льва Толстого, приведший многих в состояние шока: «Православная церковь скрывает от народа истинное учение Христа. Я отрекаюсь от православия!»

Святые отцы, например, оптинские великие старцы Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский и многие другие говорили о надвигающейся на Россию скорой катастрофе и даже о пришествии антихриста. Кризис поразил и искусство, все его виды, но в наибольшей степени — литературу, музыку и живопись. Обозначился и резко проявился отход от великих классических традиций в пользу декадентских, упаднических мотивов и настроений. Пожалуй, концентрированное свое выражение эти настроения и мотивы получили в творчестве «певца смерти», очень популярного в конце девятнадцатого и начале двадцатого века Федора Сологуба. Особенную известность получили вот эти его стихи:

*О, смерть! Я твой. Повсюду вижу
Одну тебя и ненавижу
Очарования земли.
Земные чужды мне восторги,
Победы, праздники и торги —
Весь этот шум в земной пыли!*

Внешне в России все было вполне благополучно. Фасад империи блистал. Но за этой блестящей внешностью скрывались гнойные язвы, под нею шли подспудные разрушительные процессы, прежде всего духовные, которые вскоре взорвут налаженный быт, привычные будни и бросят страну в пучину революций и гражданской войны.

Историки, философы, писатели задавались и ныне задаются вопросом: можно ли было предотвратить катастрофу? Большинство отвечает: да, можно. При том условии, что все классы тогдашнего русского общества, от аристократии до рабочих и крестьян, забыв распри и противоречия, совместно, каждый на своем месте и в свою меру, работали бы над укреплением страны, прежде всего над оздоровлением духовной атмосферы. Если бы понимали, что необходимо сохранить самодержавие, имевшее для России особый — сакральный! — смысл, связывавшее ее через личность Императора, помазанника Божия, с Небом, с Богом.

Революцию можно было бы предотвратить, если бы были доведены до конца великие столыпинские реформы, уже дававшие прекрасные результаты и способствовавшие созданию класса собственников (среднего класса) — основы стабильности любого общества. Но Столыпина убили, а его реформы свернули. Словом, каждый класс должен был нести свою меру ответственности за судьбу страны. Вместо этого каждый «тянул одеяло на себя», усиленно раскачивал лодку, не думая о том, что рубит тот сук, на котором сам же и сидит. Аристократы и промышленники заигрывали с революционерами, финансировали их, интеллигенты и студенческая молодежь горячо сочувствовали «борцам за народное дело», многие сами шли в их ряды, другие ударялись в мистику и разные восточные учения, третьи поклонялись «разуму» в виде материализма и марксизма и так далее. А очень многие ничего не делали и не хотели делать, а просто пили горькую, жаловались на жизнь, разглагольствовали и мечтали. Вот об этой-то последней, самой многочисленной категории русских людей и идет речь в чеховской тетралогии.

Первая ее часть, первый акт — пьеса «Чайка», жанр которой определен Чеховым предельно четко — комедия. Причем Антон Павлович настойчиво, не раз и не два, подчеркивал: комедия, именно комедия! И с той же настойчивостью читатели, актеры, режиссеры не замечали — и по сей день не замечают — этого, видя в «Чайке» что угодно: драму, мелодраму, даже трагедию, но только не комедию.

В самом деле, почему автор именно так определил жанр своей пьесы? Почему настаивал на этом определении? Почему пьеса с трагическим концом названа комедией и является таковой по своему существу?

Думается, комический (горько-комический) эффект возникает при наложении событий, происходящих в пьесе, разговоров, поступков ее действующих лиц (в абсолютном своем большинстве совершенно ничтожных) на ту реальную кризисную, весьма тревожную обстановку, которая была характерна для России того времени. Разительное несоответствие того и другого и придает сценическому действию эффект и характер клоунады, фарса, комедии, которую разыгрывают все ее персонажи без исключения с первой и до последней сцены. Вот — первый диалог. Учитель Медведенко и Маша идут, возвращаясь с прогулки.

Медведенко. Отчего вы всегда ходите в черном?

Маша. Это траур по моей жизни. Я несчастна.

Медведенко (в раздумье). Не понимаю. Вы здоровы. Отец у вас, хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура.

Маша. Дело не в деньгах. И бедняк может быть счастлив.

Медведенко. Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.

Маша (оглядываясь на эстраду). Скоро начнется спектакль.

Медведенко. Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гаври-

ловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения. Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны...

Маша. Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все. Душно, должно быть, ночью будет гроза. Вы все философствуете или говорите о деньгах. По—вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, чем... Впрочем, вам не понять этого.

Входят справа Сорин и Треплев.

Треплев. Господа, когда начнется, вас позовут, а теперь нельзя здесь. Уходите, пожалуйста.

Сорин (Маше). Мария Ильинична, будьте так добры, попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она воеет. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша. Говорите с отцом сами, а я не стану.

Сорин. Значит, опять всю ночь будет выть собака. Вот история... Никогда в деревне я не жил, как хотел. Всегда уезжал отсюда с удовольствием. Ну а теперь я в отставке, деваться некуда, в конце концов. Хочешь — не хочешь, живи...

В этих диалогах, открывающих «Чайку», что видим, что слышим и чувствуем? Душная, напряженная, предгрозовая атмосфера. Тяжкий дискомфорт бытия. Каждый живет не так, как хочет, у каждого своя, непонятная другим боль. Один заиклен на деньгах, которых ему катастрофически не хватает (сколько таких и сегодня, в двадцать первом веке!), другая говорит, что не в деньгах счастье и лучше быть бедным, чем... чем что? В дальнейшем мы узнаем: чем быть влюбленной без малейшей надежды на взаимность. В начале второго действия Маша скажет: «У меня такое чувство, как будто я родилась давным-давно; жизнь свою я тащу волоком как бесконечный шлейф... И часто не бывает никакой охоты жить». И мы узнаем, что она втихаря пьет и пьет помногу, стараясь заглушить боль неразделенной любви и бессмысленности жизни. Она любит Треплева — вот оно в чем дело. Но он не слышит и никогда не услышит ее, поскольку увлечен совсем другой. В третьем действии, после того, как Треплев предпринимает неудачную попытку самоубийства, Маша скажет писателю Тригорину: «Если бы он ранил себя серьезно, я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву!»

Тригорин. Это каким же образом?

Маша. Замуж выхожу за Медведенка.

Тригорин. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, целые годы все ждать чего-то. А вот как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат все старое».

Николай Макаров
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА
«МОЕ СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ»**

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

С первого по седьмой класс (1955—1962), я учился в Ново-Тарбеевской средней школе Мичуринского района Тамбовской области, где директором был мой отец — Макаров Алексей Дмитриевич. Он постоянно писал в районные и областные газеты о жизни школы и села Ново-Тарбеево. Малую толику из его публикаций, чтобы иметь представление о той эпохе, привожу на этих страницах.

«Голос колхозника», 6 февраля 1955 года.

А. Макаров, заведующий агитпунктом.

С ПОМОЩЬЮ АКТИВА.

С первых же дней подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР и местные Советы Ново-Тарбеевская территориальная партийная организация, опираясь в своей работе на актив, развернула среди труженников деревни широкую политическую агитацию. Выделено 32 агитатора. Многие из них, работая на десятидворках, проводят содержательные беседы.

По вечерам оживленно бывает в агитпункте. Здесь собираются молодежь, пожилые колхозники. С ними проводятся беседы, собрания, вечера вопросов и ответов, читаются лекции.

11 февраля намечено провести вечер молодых избирателей. Юноши и девушки прослушают доклад на тему: «Моральный облик молодого советского человека».

«Голос колхозника», 13 февраля 1955 года.

А. Макаров, директор Ново-Тарбеевской средней школы.

ИНТЕРЕСНЫЙ ВЕЧЕР.

В дни зимних канкул в Ново-Тарбеевской средней школе был проведен вечер встречи выпускников с учащимися. На вечере присутствовали также учителя школы и родители.

На вечере выступили ученица 10 класса «Б» Н. Баева, студент Московского лесотехнического института О. Степанов, ученица 10 класса «А» В. Грезнева, студент Харьковского медицинского института В. Остроухов, студент Плодовощного института имени И. В. Мичурина И. Михин, лучшая колхозница сельхозартели имени Ленина, выпускница школы А. Остроухова и другие.

От имени педколлектива школы участников вечера приветствовал учитель истории С. И. Чеканов.

Затем силами хорового и струнного кружков был дан концерт. Выступили также физкультурники школы.

«Голос колхозника», 15 мая 1957 года.

А. Макаров.
ВЕЛОКРОСС.

2 мая внимание жителей села Ново-Тарбеево привлек массовый велокросс, проводимый средней школой. Более 60 учащихся — любителей велосипедного спорта — оспаривали первенство в соревнованиях.

Вначале стартовали мальчики. Несмотря на встречный ветер, они шли хорошо. Первым дистанцию в 20 километров прошел ученик 9 класса Николай Михин. Его время — 1 час 38 минут.

У девочек победительницей на дистанции 10 километров вышла Зина Семенова.

«Знамя Октября», 5 ноября 1957 года.

А. Макаров, директор Ново-Тарбеевской средней школы.
ПОСТРОЕН КЛУБ.

Колхозники третьей бригады колхоза имени Ленина получили к празднику замечательный подарок — новый клуб на 300 мест. В день его открытия здесь состоялось торжественное собрание, посвященное 40-й годовщине Великого Октября.

Лучшим колхозникам были вручены премии и ценные подарки. Бригадир овощеводческой бригады т. Кузьмин получил хромовые сапоги, колхозник т. Шаталов — наручные часы, член строительной бригады т. Гуськова — отрез на платье и шаль.

«Знамя Октября», 9 сентября 1958 года.

А. Макаров, директор Н.-Тарбеевской средней школы.
В. Ковригин, заведующий клубом.
Б. Климонов, сотрудник газеты «Знамя Октября».
КОНТРАСТЫ СЕЛА НОВО-ТАРБЕЕВО.

Это никого не удивляет.

Большие перемены произошли в Ново-Тарбеево за годы Советской власти. Очень трудно найти здесь сейчас неграмотного человека. А еще труднее встретить сельчанина, который утром не знал бы, что произошло в нашей стране и за рубежом за истекшие сутки. Источник таких новостей — радио.

— В селе 547 радиоточек,— говорит председатель сельсовета т. Грезнев.— Неудурно для 2500 жителей села, верно? Печатное слово тоже в почете. 365 газет и 176 журналов получаем мы из Москвы, Тамбова и Мичуринска. Есть два клуба, сельская и школьная библиотеки, причем, только в школьной — 3 тысячи книг.

Есть в селе медпункт, магазин, средняя школа, где обучаются 344 ученика.

Да, Н.-Тарбеево сегодня и оно же — 41 год тому назад не имеют между собой ничего общего. Вот еще один красноречивый факт: только учителей здесь сейчас 30 человек. А всего отряд сельской интеллигенции насчитывает около 50 человек!

Впрочем, сейчас это никого не удивляет. Сплошная грамотность, хорошее медицинское обслуживание, радио, газеты, библиотеки, клубы — все это давно уже стало привычным, прочно вошло в быт.

Если пройтись по селу...

Да, давайте пройдемся, хотя это дело и не легкое — не на один километр раскинулись улицы Н.-Тарбеева.

Прежде всего, конечно, вы обратите внимание на сады. Что ни дом, то густая стена из плодовых деревьев. Под нежарким сентябрьским солнцем всюду матово поблескивает крутобокая антоновка, племенеют пепины и анис.

Только весной нынешнего года жителями села высажено 800 плодовых деревьев и намечается посадить осенью еще 1700 штук.

Но и на этом рост индивидуального садоводства не будет прекращен. Колхозники, механизаторы, интеллигенция полны решимости в ближайшие 2—3 года удвоить число плодовых деревьев, расширить ягодники.

...Глаз прохожего радуют и новостройки. Дробный перестук плотничьих топоров, визг пил и фуганков можно услышать всюду. В нынешнем году уже 19 семей справили новоселье. 12 домов находится в стадии строительства. В недалеком будущем справит новоселье колхозный свинарь В. А. Грезнев, колхозники А. Г. Солончев, В. И. Тимофеев и многие другие.

А колхозное строительство? Не один десяток строк потребуется для того, чтобы только назвать многочисленные новые общественные постройки, возведенные и возводимые в этом году.

Вас интересует водоснабжение? К сожалению, о водопроводе говорить пока рано. Но разве вода из хорошего шахтного колодца хуже? В нынешнем году планировалось построить 5 новых колодцев, а сдано в эксплуатацию — 9.

И еще немало интересного можно увидеть на улицах Н.-Тарбеева. Интересного и поучительного. Вот, например, пробегает веселая стайка ребят. Жизнерадостные, краношекие крепыши: очень чисто одеты, в руках портфели, лица — в сиянии улыбок. Это тоже неотъемлемая деталь улиц нашего советского села — счастливые дети.

Сельские контрасты.

Да, растет село, хорошеет, все краше становится жизнь трудящихся.

Но было бы неправильно не замечать недостатки.

Вот, например, совсем неотрадный факт: на 2,5 тысячи жителей села нет парикмахерской.

По-видимому, у руководителей сельсовета есть возможность регулярно пользоваться услугами городских мастеров стрижки и бритья, а как быть колхозникам, не имеющим возможности в рабочую пору совершать дальние и дорогостоящие поездки?

В Н.-Тарбееве можно обнаружить еще не мало, мягко говоря, странных контрастов. В селе, имеющем многочисленный отряд интеллигенции, среднюю школу, клубы, отсутствует... баня!

И еще факт. В местном колхозе имени Ленина в страдную пору весенних и осенних полевых работ постоянно ощущается острая нехватка рабочих рук. В то же время десятки молодых матерей-колхозниц вынуждены сидеть дома с детьми — в селе нет ни одних детских яслей.

Это не мелочи!

Каких-то двадцать лет тому назад на владельца велосипеда в селе смотрели с некоторой завистью: вот, мол, как человек живет — «самокат» купил! А сейчас здесь 384 велосипеда и 5 мотоциклов в личном пользовании. Этот факт говорит прежде всего о растущем благосостоянии труженников села.

А общественная техника? Год от года увеличивается колхозный автопарк, артель имеет теперь свои тракторы и комбайны. Моторы перевозят людей и грузы, пахут землю, убирают урожай, сортируют зерно — всюду моторы.

А вот дома колхозников до сих пор освещают примитивные керосиновые лампы, от которых и чад, и копоть.

— Построили электростанцию на 105 киловатт,— можно услышать в сельсовете.— Электричества с избытком хватит на все село.

Верно, построили и... законсервировали — не оказалось столбов, нет наружной и внутренней проводки, изоляторов.

И вот продолжают уживаться вместе — высокая техническая оснащенность хозяйства с керосиновой копотью в жилищах людей.

От кого это зависит? Можно сколько угодно сослаться на объективные причины, но нельзя не признать: есть в том доля вины и местных органов власти. Проявить бы им побольше заботы о людях и, как знать, быть может, уже сейчас «лампочки Ильича» ярко сияли бы в домах колхозников.

И еще о заботе. Едва ли председатель сельсовета не знает, как женщинам дается белизна столового, постельного и прочего белья. Заходят они босиком в холодную речную воду и полощат. Кажется, чего проще — поделать на берегу мостки со скамьями для ведер и белья.

В селе нет овощного ларька. Колхоз и колхозники могли бы сдавать сюда часть продукции для свободной продажи. Покупатели? Безусловно нашлись бы. Тем более, если ларек построить рядом с автобусной остановкой.

Впрочем, оговоримся: был ларек, построили и тут же... разобрали.

Мелочи? Нет! Разве не из таких вот подчас незаметных «мелочей» складывается большая культура нашего села?

Тени прошлого.

Сейчас только немногие убеленные сединой старики помнят прошлое села Ново-Тарбеево. А новое поколение, выросшее в годы Советской власти, лишь понаслышке знают, как жили люди до Октябрьской революции, каким было их село прежде.

Из Ново-Тарбеева за 40 лет вышло немало замечательных людей. Достаточно сказать, что только за последние годы инженерные, научные, учительские кадры страны пополнились отсюда десятками крупных специалистов. Алексей Крадинов, например, аспирант медицинского института, Дмитрий Степанов — инженер управления совнархоза, Виктор Остроухов — военврач.

Этот список можно бы пополнить еще множеством имен. И никакого, конечно, сравнения не может быть с дореволюционным Ново-Тарбеевым, поставлявшим для царской армии только рекрутов да дешевую рабочую силу для заводов и фабрик капиталистов.

Есиповы двory, Будиловка, Епишина гора и даже... Кобелевка! Странные наименования для современного села.

Почему здесь увековечена память о кабатчике Есипе? И кто такой был Епишин, чтобы до сих пор помнить его имя?

В годы Великой Отечественной войны некоторые жители села Ново-Тарбеево, мужественно защищая Родину, пали смертью храбрых. Вот чьи имена следовало бы увековечить! И кому, как не сельскому Совету заняться этим вопросом.

Ново-Тарбеево — не молодое село. В седую старину уходит его прошлое. Веками люди пахали здесь землю, промышляли в полноводной реке рыбу и зверя — в глухих лесных чащобах.

41 год в вековой истории этого села — небольшое время. Но как расцвело Ново-Тарбеево за годы Советской власти, как поднялось благосостояние его людей!

И если мы говорим сегодня о недостатках, то лишь затем, чтобы завтра их не было вовсе, чтобы жизнь стала более полнокровной, богатой.

«Знамя Октября», 20 ноября 1958 года.

А. Макаров.

Село Ново-Тарбеево.

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ.

В минувшее воскресенье в Ново-Тарбеевской средней школе состоялось родительское собрание. Родители прослушали доклады «О дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» и «Итоги первой четверти 1958—1959 учебного года».

После собрания многие родители осмотрели школьную кролиководческую ферму и вновь оборудованную мастерскую, ознакомились с фотовитринами «Отличники

ученической производственной бригады школы» и «Учащиеся на уборке урожая в колхозе имени Ленина в 1958 году».

«Знамя Октября», 26 февраля 1959 года.

А. Макаров, директор Н.-Тарбеевской средней школы.

ЮНЫЕ КРОЛИКОВОДЫ.

Интересные разговоры можно слышать в нашей школе во время перерывов между уроками. В центре внимания — письмо коллектива учителей и учащихся Абакумовской средней школы. Призыв абакумовцев — выращивать и откармливать скот на учебно-опытных фермах — нашел горячий отклик у ребят, уже имеющих некоторый опыт выращивания кроликов.

Кролиководческая ферма в нашей школе была организована в прошлом году. Все началось с приобретения трех самок и самца. Пушистые, они сразу понравились всем ребятам, особенно малышам. Животные стали общими любимцами. Школьники изготовили для кроликов клетку.

А вскоре был организован кружок юных кролиководов, который поставил перед собой задачу — в несколько раз увеличить поголовье на ферме и вырастить животных для других школ. Эта задача успешно решена. В январе и феврале нынешнего года учащиеся передали 20 крольчат Крюковской и Старо-Хмелевской средним школам. Сейчас ферма насчитывает 18 самок и самцов.

Обсудив письмо абакумовцев, школьники решили к концу 1959 года сдать государству 100 кроличьих тушек. Намечено построить помещение, рассчитанное на 300 голов.

«Знамя Октября», 23 января 1960 года.

А. Макаров.

К ЮБИЛЕЮ.

В конце этого месяца вся страна будет отмечать юбилей А. П. Чехова. Готовятся к этим дням и учащиеся Ново-Тарбеевской школы.

Под руководством учителей ребята готовят инсценировки и рассказы любимого писателя.

«Знамя Октября», 26 января 1960 года.

А. Макаров.

У НОВОТАРБЕЕВЦЕВ.

На днях в Ново-Тарбеевской средней школе состоялось родительское собрание. Родители прослушали доклад об итогах школы за первое полугодие, лекцию о текущих событиях, просмотрели диафильм «За тесную связь школы с жизнью».

* * *

Первоклассники провели свой традиционный праздник — «Проводы букваря». Гостями у них были учащиеся вторых-четвертых классов, родители, учителя. Юные артисты показали инсценировки народных сказок «Репка», «Заяц и лиса», песни «Два веселых гуся».

Девочки-первоклассники Нина Бородина, Таня Макарова, Нина Баева и другие прочитали стихотворения «Береги свои вещи», «Букварь» и другие. Хор первоклассников исполнил «Песню октябрят».

* * *

18 января в школе проходил вечер «Химия вокруг нас», подготовленный учительницей А. П. Погадаевой. Учащиеся 7—10 классов В. Чернышев, В. Баева, В. Ми-

лованов, В. Брюхин и другие рассказали о применении химии в сельском хозяйстве, промышленности, медицине, быту.

Ученик девятого класса Валерий Чернышев продемонстрировал ряд опытов.

Сейчас учащиеся готовятся к проведению математического вечера, посвященного выдающейся русской женщине-математику Софье Ковалевской.

* * *

На днях были подведены итоги конкурса «Лучшая тетрадь в первом полугодии». Победителями оказались учащиеся В. Чернышев (9 класс), В. Баева (8 класс), Н. Десятова (7 класс), А. Грезнева (5 «А» класс), Э. Кулакова (5 «Б» класс) и другие, всего двадцать семь человек.

Победителям выданы призы — произведения художественной литературы.

«Знамя Октября», 4 февраля 1960 года.

А. Макаров.

Село Ново-Тарбеево.

И В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ ОТКРЫТЫ ДВЕРИ ШКОЛЫ.

Давно ли это было? Воскресенье, выходной день. На дверях школы висит огромный замок. А ребята так и тянутся к школе: здесь и спортплощадка, и шахматы, и домино, шашки, книги. Но в школу не войдешь, школа закрыта!

В январе этого года первый раз в воскресенье открылись школьные двери. Но открылись они не для того, чтобы ребята, как в обычные дни, сели за парты, а для игр, соревнований, для того, чтобы ребята с пользой для здоровья провели свой выходной день.

В минувший воскресный день (а день-то какой был: легкий морозец, солнце, иней!) коридоры школы наполнились звоном ребячьих голосов, смехом, задорной песнью. Сегодня пионерские лыжные соревнования!

Быстро разобраны лыжи, подогнаны к ногам, укреплены. На лыжню! На старт!

Нет недостатка в болельщиках: здесь и октябрята — ученики 1—3 классов; здесь и взрослые: бригадир садоводческой бригады, секретарь комсомольской организации колхоза имени Ленина, бывший наш воспитанник и чемпион школы по лыжам Анатолий Грезнев, электромонтер колхоза В. В. Десятов, вместе с женой «болеющий» за свою дочку, бывший ученик школы демобилизованный воин Н. Грезнев и многие другие, кому дорога спортивная честь школы и села.

...Юные лыжники выстраиваются у ленточки старта. Преподаватели физкультуры А. С. Грезнев и С. П. Власов — с секундомерами в руках наготове, на дистанциях — члены физкультурного совета школы с красными флажками в руках.

Взмах флажка, и первая пара пошла. Через 15 секунд — вторая, третья, четвертая...

Время не идет — летит. «Болельщики» волнуются: кто первый?

Закончились соревнования. Пока судейская комиссия подсчитывает результаты, выявляя победителей, пока заполняют грамоты, в зале под гармонь, на которой играет участник соревнований пионер пятого класса Витя Баев, ребята танцуют. Здесь и лыжники — пионеры, их старшие товарищи — комсомольцы, пришедшие на репетицию, здесь и малыши — октябрята, самые рьяные «болельщики» (они сегодня с пионерожатой разучивали песни, вышивали)...

Результаты соревнований известны, их объявляют со сцены.

На дистанции в 1 км (для девочек) первой со временем 7 минут 16 сек. была ученица 5 класса «А» Нина Баева, ее одновласник Витя Баев вышел победителем на двухкилометровой дистанции (для мальчиков) со временем 11 минут 13 сек. На этой же дистанции среди девочек победила пионерка 7 класса Надя Десятова (не зря «бо-

тели) родители), ее подруга Нина Тарарева показала время 17 минут 36 сек. на 3-х километровой дистанции, выполнив норму юношеского разряда для девушек.

В забеге на 5 км в норму юношеского разряда уложились пионеры из восьмого класса Александр Ткачев и Анатолий Жданов, занявшие на этой дистанции 2-е и 3-е места с результатом 24 минуты 20 сек. и 24 минуты 21 сек. Первое место на этой дистанции занял ученик седьмого класса Евгений Власов со временем 23 минуты 29 сек., уложившись в норму третьего спортивного разряда. Победители были награждены грамотами и призами.

В следующие воскресенья ребята будут смотреть диафильмы, участвовать в различных спортивных соревнованиях, в шахматном турнире, обсуждать любимые книги, отправятся в походы... Много интересных, полезных дел можно сделать, если в воскресенье в школе открыты двери!

«Знамя Октября», 16 февраля 1960 года.

А. Макаров.

СТРАННО, НО ФАКТ.

Вот уже две недели молчат репродукторы на левой стороне улицы «Сельские хутора» в селе Ново-Тарбеево. Несколько раз обращались жители в Мичуринский радиоузел с просьбой исправить повреждения, мешающие слушать голос родной Москвы. Увы! Руководители радиоузла обещают, а репродукторы молчат.

Радиослушатели интересуются, неужели еще в моде старая поговорка: «Обещанного три года ждут». Странно, но, кажется, так!

«Знамя Октября», 23 февраля 1960 года.

А. Макаров.

ОТМЕЧАЮТ ГОДОВЩИНУ.

Торжественно отмечают учащиеся Ново-Тарбеевской средней школы сорок вторую годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота. В вестибюле школы оформлен фотомонтаж «Советская Армия на страже мира».

Учащиеся просмотрели диафильмы «Боевой путь Вооруженных Сил СССР» и «Реактивная авиация». 23 февраля в школе состоится вечер, посвященный Дню Советской Армии.

«Знамя Октября», 25 февраля 1960 года.

А. Макаров.

НА ПРИЗ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА».

На днях в селе Ново-Тарбеево состоялись кустовые лыжные соревнования на приз газеты «Пионерская правда». В них приняли участие команды пионерских дружин Ново-Тарбеевской, Старо-Казинской средних и Ярковской семилетней школ.

На всех четырех дистанциях первыми финишировали новотарбеевские школьники. В личном первенстве лучших результатов добились спортсмены этой школы В. Остроухова, Н. Тарарева, В. Баев, Г. Грезнев.

Вызывает сожаление тот факт, что пионерские дружины Горитовской, Липовской и Мало-Лавровской семилетних школ не выставили свои команды для участия в этих соревнованиях.

«Знамя Октября», 1 марта 1960 года.

А. Макаров.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР.

На днях в Ново-Тарбеевской средней школе состоялся математический вечер, по-

священный выдающейся русской женщине-математику Софье Васильевне Ковалевской. Вечер подготовили члены математического кружка.

Ученица восьмого класса Валя Баева доходчиво рассказала о жизни и деятельности С. В. Ковалевской. Александр Ткачев, ученик восьмого класса, познакомил присутствующих с высказываниями ученых о талантливом математике.

В программе художественной самодеятельности — чтение стихотворений С. Ковалевской, которая занималась не только математикой, но и поэзией; рассказы из цикла «Числа-великаны»; инсценировки стихотворений С. Я. Маршака «Веселые числа» и «Нуль»; короткие инсценировки «Своим умом» и «Рыболовы».

Хорошо вел программу ученик восьмого класса Валентин Конов, который в перерывах между номерами занимал ребят задачами—шутками, умножением на пальцах.

«Знамя Октября», 22 апреля 1960 года.

А. Макаров.

Село Ново-Тарбеево.

НА ВОСКРЕСНИКЕ.

Наши ученики уже привыкли к тому, что в воскресенье открыты двери школы, где они могут посмотреть диафильмы, поиграть в шахматы и шашки, разучить новые песни, почитать книги.

Но в это воскресенье, 17-го апреля, ребята пришли в школу для того, чтобы работать. Накануне был объявлен воскресник учителей и учащихся 3—10 классов. Учащиеся разбиты на группы, каждой группе дано задание. Пионеры 3—4 классов, разделившись на 4 отряда, расходятся от школы в разных направлениях. Их задание — сбор металлолома. И вот идут первые сборщики, в руках у них старые кастрюли, чугуны, керосинки, поломанная кровать... Появляются связные от отрядов, ушедших на отдаленные участки:

— Нам нужна лошадь, мы собрали много лома.

Неплохо поработали пионеры: за два часа они собрали около двух тонн металлолома.

Пятиклассники в это время наводили порядок у здания школы. В руках у них грабли, метлы, лопаты, ведра. Дружно идет работа: сгребают, сметают мусор и в ведрах относят его с территории школьного двора. А пятиклассники Толя Крадинов, Валя Жданова, Надя Брюхина и другие превратились в маляров: они занимаются побелкой стволов тополей и кленов, растущих вокруг школы.

У пятиклассников также, как и у пионеров 3—4 классов, появились и добровольные помощники — октябрята 1—2 классов, которых не приглашали на воскресник. Но разве могут они стоять в стороне, когда их старшие товарищи заняты интересной работой!

Старшеклассники, учащиеся 6—10 классов, отправились в этот день на заготовку черенков тополя, нужных для сажозащитных полос колхоза имени Ленина. Они заготовили около десяти тысяч черенков тополя.

Ребята довольны проведенным воскресником: потрудились хорошо, проделана нужная, полезная работа.

«Знамя Октября», 8 октября 1960 года.

А. Макаров.

ДЛЯ ПИОНЕРСКОЙ ДВУХЛЕТКИ.

Село Ново-Тарбеево. Пионеры средней школы 2 октября собрались на торжественную линейку. К старшей пионервожатой один за другим подходят с рапортами председатели советов отрядов. Они зачитывают обязательства отрядов, вступающих в пионерскую двухлетку.

Хорошие обязательства! «Озеленим свое село, поможем родному колхозу, соберем металлолом для нефтепровода Волга — Восточная Европа» и т. д.

В первом пункте пионерских обязательств указано: «Все, как один, перейдем в следующий класс!». Это самое главное, за что будут бороться пионеры в своей двухлетке.

Их слова не расходятся с делом. С начала учебного года ученики убрали в колхозе картофель с площади 15 гектаров, собрали початки кукурузы с 26 га, помогли убрать урожай огурцов, помидоров, тыквы, свеклы.

«Знамя Октября», 27 октября 1960 года.

А. Макаров.

ВСЕ ПОДПИСАЛИСЬ!

Педагогический коллектив Ново-Тарбеевской средней школы небольшой: 22 учителя, библиотекарь, пионервожатая; 17 учительских семей. Все они являются подписчиками на газеты и журналы. Да иначе и быть не может. Для учителя газеты и журналы — необходимость.

Все учителя оформили подписку на новый, 1961 год. Старейшая учительница, проработавшая в школе свыше 30 лет, А. П. Погадаева на 1961 год выписала три газеты и четыре журнала: «Советская Россия», «Учительская газета», «Знамя Октября», «Вокруг света», «Химия в школе», «Крестьянка», «Работница».

Учитель С. П. Власов подписался на четыре газеты и четыре журнала. По семь газет и журналов выписали учителя М. Г. Акимов, К. Т. Бородин; по шесть экземпляров — А. С. Грезнев, В. А. Ковригин, А. А. Недобежкин, С. И. Чеканов.

Всего учителя выписали 53 газеты и 37 журналов 25-ти наименований: «Правда», «Учительская газета», «Советская Россия», «Пионерская правда», «Знамя Октября», «Агитатор», «Крестьянка», девять методических журналов и т. д.

Подписались на районную газету «Знамя Октября» и все шесть техслужащих школы.

«Знамя Октября», 29 октября 1960 года.

А. Макаров.

УЧАЩИЕСЯ ЛЮБЯТ СПОРТ.

Любят спорт в Ново-Тарбеевской средней школе. 52 грамоты завоевали школьники на районных и областных соревнованиях. Это достойные плоды упорных, кропотливых тренировок. В этом немалая заслуга преподавателя физкультуры А. С. Грезнева.

Много пришлось потрудиться ребятам. Так, закончены работы по оборудованию футбольного поля, волейбольной и баскетбольной площадок, стрелкового тира. Установлена на спортивной площадке перекладина, залита цементом городошная площадка.

С первых дней учебы началась подготовка к участию в традиционных внутришкольных соревнований по легкой атлетике. Соревнования будут посвящены славному юбилею Ленинского комсомола.

16 октября более 60 учащихся оспаривали первенство по прыжкам в длину и высоту, в беге на 60 и 100 метров, в метании гранаты и диска, по толканию ядра.

Победителями по младшей группе (5—7 кл.) стали В. Грезнев, Н. Гречишкина, В. Баев, В. Чеканов.

Среди старшеклассников сильнейшими были Л. Струкова, А. Кувшинова, А. Ткачева, А. Жданов, Н. Дмитриев. Спортсмены, занявшие 1—3 места, награждены грамотами.

«Знамя Октября», 1 ноября 1960 года.

А. Макаров.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ИТОГИ.

Неплохо подготовилась партийная организация колхоза им. Ленина к новому учебному году в сети партийного просвещения. Выделены пропагандисты, которые побывали на семинарских занятиях в райкоме КПСС, составлены списки слушателей кружков, определены место и время занятий.

Накануне учебного года состоялось открытое партийное собрание, обсудившее вопрос о политической учебе.

Вот и наступил первый день занятий. Неплохая явка была в начальном экономическом кружке механизаторов (пропагандист тов. Ковригин), на семинаре по истории КПСС. Слушатели остались довольны первыми занятиями.

Однако так было далеко не везде. Кружок по изучению истории КПСС (Н.-Тарбеевский участок) насчитывает 10 коммунистов, а явилось только два. Говорят, пример старших заразителен. Не прибыли на занятие и комсомольцы. Напрасно пропагандисты С. И. Чеканов и А. А. Недобежкин в течение двух часов ожидали своих слушателей. Они не пришли.

Партбюро необходимо учесть с первых дней учебного года эти уроки, укрепить дисциплину среди слушателей, постоянно осуществлять контроль за учебой коммунистов и комсомольцев.

«Знамя октября», 17 ноября 1960 года.

А. Макаров.

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ.

В минувшее воскресенье в Ново-Тарбеевской средней школе состоялось общешкольное родительское собрание, на котором были обсуждены итоги 1-й четверти, избран новый состав комитета.

Для родителей силами учащихся был дан концерт художественной самодеятельности.

Очень понравились зрителям юмористические сценки пятиклассников «Огорчения без обучения» (Толя Баев и Володя Струков), «Лентяй с подушкой» (Коля Грезнев и Толя Баев). Девочки-пятиклассницы спели частушки на школьные темы. Ученица седьмого класса Надя Гречишкина прочитала стихотворение «Если б не было того, что миновало...». Четвероклассники показали несколько инсценировок басен И. А. Крылова, а Коля Брюхин спел песню «Россия — родина моя».

Дружными аплодисментами наградили зрители членов гимнастического кружка.

«Знамя Октября», 17 января 1961 года.

А. Макаров.

О ШКОЛЬНОМ БУФЕТЕ.

Не первый год существует в Ново-Тарбеевской школе буфет, который снабжает Старо-Казинское сельпо. С начала учебного года была здесь организована продажа молока, сладкого чая, булочек, батонов, были дешевые конфеты, печенье, иногда колбаса.

Но вот уже месяца два, как на полках остались лишь ирис «Забава», конфеты «Ласточка», печенье. Продается горячий чай, но ни булочек, ни белого, а подчас даже черного хлеба нет. Старо-Казинское сельпо совершенно перестало беспокоиться о снабжении школьного буфета дешевыми и питательными продуктами.

Вадимир Трусов

(г. Мончегорск, Мурманская обл.)

Вадимир Вадимович Трусов — поэт, прозаик, публицист, автор — исполнитель, член Союза писателей России, председатель Совета мончегорской городской общественной организации «Цех изящной словесности», а также председатель Оргкомитета традиционного фестиваля авторской песни «Дни Владимира Высоцкого на Кольской земле». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

КОГДА СУДЬБА БОЛЬШЕ ЖИЗНИ

(О романе Дмитрия Коржова «Несмиранный живописец»)*

О Дне славянской письменности и культуры в нашей стране сегодня знают все. Ну, хорошо, если не все, то уж очень и очень многие. Шутка ли сказать, ведь это единственный государственно-церковный праздник в современном российском календаре. И отмечается он, да, весьма широко и повсеместно. А откуда сей торжественный «День...», собственно, взялся? Чьими стараниями его стали вновь отмечать, с какого времени, и где истоки такого значимого для отечественной культуры ежегодного события? Уверен, что на подобные вопросы внятно сумеет ответить далеко не каждый. Тем паче, что тележурналисты, особенно столичные, осещающие из года в год торжественные мероприятия, посвященные Дню славянской письменности и культуры, великодушно опускают подробности совсем недавней нашей истории,

иногда упоминая, что праздник был возрожден в середине восьмидесятых, на мурманской земле... Впрочем, такую преамбулу я затеял отнюдь не из стремления во что бы то ни стало обозначить некие приоритеты, но лишь для того, чтобы заметить, в частности, насколько своевременно и логично увидела свет книга моего коллеги, известного мурманского литератора Дмитрия Коржова «Несмиранный живописец», посвященная жизни, творчеству и общественной деятельности большого русского писателя, певца поморского севера, Виталия Семеновича Маслова. А ведь именно инициативой и трудами этого человека, совершенными, конечно же, вместе с плеядой единомышленников, и было возобновлено празднование Дня славянской письменности и культуры. И произошло сие знаковое событие в Мурманске, в 1986 году.

Писать о В. С. Маслове, на мой взгляд, очень и очень непросто. Слишком уж масштабная личность, да и круг его пристрастий, увлечений и занятий весьма и весьма широк. Это и долгие годы, отданные морю, и большая, серьезная литература, и поддержка и воспитание молодых поэтов и прозаиков, и воплощение в жизнь идей культурного единения славян, а еще постоянная, неустанная забота о сохранении малой родины, ее истории и будущего. В таком объеме информации можно и утонуть, так и не достигнув цели повествования, утратив в завале фактов и событий

* Несмиранный живописец: роман-биография / Дмитрий Корзов.— Мурманск: Дроздов-на-Мурмане, 2018.— 272 с.

главного героя. Да ведь и сама личность Виталия Семеновича, сложная, порой противоречивая, неуступчивая, «несмиренная», это уже отдельная тема. Поэтому вполне естественно и очень отраднo, что за такой сложный литературный труд взялся именно Дмитрий Коржов, ученик и во многом сподвижник Виталия Семеновича, очень близко его знавший и весьма доверительно с ним общавшийся. Неоценимую помощь автору оказала и спутница жизни В. С. Маслова, Валентина Устиновна, хранящая личный архив мужа и давшая возможность Дмитрию Коржову плодотворно с этим архивом работать. Книга вполне могла бы выйти в серии «Жизнь замечательных людей», коей по всем статьям соответствует, но по ряду обстоятельств такого не случилось, и подобный оборот, по-моему, несколько делу не повредил, даже напротив, ибо все-таки серия «ЖЗЛ», при всем к ней пиетете, имеет тенденцию к некоторому «обронзовению» своих героев, а у автора «Несмиренного живописца» получился живой человек, вполне реальный Виталий Маслов, и его присутствие где-то поблизости весьма ощутимо при прочтении книги.

Возьмите карту России и найдите в Архангельской области городок Мезень, а от него отступите еще полсотни километров по беломорскому побережью на восток. Вот тут, точнее там, и находится малая родина Виталия Маслова — старинная поморская деревня Сёмжа, где и время издревле считали по приливам и отливам, т.е. «по воде». Сёмжане — прирожденные рыбаки и судоводители, их охотно приглашали на работу теми же лоцманами в Мезенский порт и не только. Вот и юный Виталий, покинувший родные места, поступил в Ленинградскую мореходку, стал специалистом по судовой радиосвязи, работал на судах на Сахалине, в Тикси, на Севморпути, потом попал на ледокол «Ленин», которому отдал два десятка лет жизни, став начальником радиослужбы знаменитого флагмана советского ледокольного флота и заслуженным радистом СССР. Но где бы ни был Виталий Маслов, куда ни заносила бы его судьба и морская стезя, и позже, проживая постоянно в Мурманске, он никогда не забывал о родных местах, которым был верен смолоду и до последнего вздоха всем сердцем, всей душой. В точности, как у Николая Рубцова:

*...С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Связь эта прослеживалась во всем, в прозе и поэзии Маслова, в его искренней заботе и неподдельном волнении о настоящем и будущем русского Поморья, в его подвижническом стремлении восстановить историю родной деревни, генеалогию ее жителей, в создании деревенского музея в уже практически нежилом поселении, и даже в том, что свой последний приют Виталий Семенович обрел на родном погосте.

И творчество Маслова было в основном посвящено темам Русского Поморья. Писал он, широко используя поморский диалект, так называемую «говоря», из-за которой имел немало проблем с критикой, и вообще с оценкой своих произведений в профессиональной среде. И ведь немало уколов и упреков доставалось Виталию Семеновичу от коллег, особенно столичных, попросту плохо понимавших поморскую «терминологию» и оттого не принимавших прозу Виталия Семеновича. Смолоду у него так повелось. Но вот, что примечательно, те же рассказы Маслова сразу принял и по достоинству оценил Федор Абрамов. А заслужить похвалу Федора Александровича вообще-то мало кому удавалось. Знать почувствовал мастер в молодом коллеге-земляке родственную душу, болеющую за русский Север, почувствовал и поверил искренности его переживаний за судьбы родной земли. А про «поморские словечки»... сам Виталий Семенович говорил, мол, если на этом диалекте говорят его герои в реалиях, то отчего же он не должен эту «говоря» использовать. Позиция? Несомненно. Однако твердая позиция в чем-либо во все времена стоит не дешево. Вот и более широкой известности прекрасной прозы Маслова существенно помешало его трепетное отношение, в частности, к поморскому диалекту. Да и вообще, откровенно говоря, кому там, в столицах, было «интересно», чем живет и дышит далекий поморский край?! И вообще русский заполярный Север?! Немногим, смею вас уверить. Хоть и «были люди в наше время».

А знаете, как Виталий Маслов ухитрился пригласить на свою свадьбу самого Фиделя Кастро? Не знаете? Так читайте об этом на страницах «Несмирненного живописца»! И не только об этом, в жизни главного героя происходило немало удивительных событий. И люди ему встречались прекрасные. Была крепкая многолетняя дружба с Семеном Шуртаковым, Виктором Конецким, Василием Беловым... А еще была неустанная забота о молодых, начинающих писателях и поэтах, было литобъединение Мурманского отделения Союза писателей, была серия «Первая книга по-

эта», помогающая debutантам войти в мир литературы, была серьезная учеба, творческие семинары, требовательная, искренняя критика... Маслов как раз из тех людей, кто способен быть и наставником, и другом. Настоящим, честным, требовательным, порой даже суровым.

Он, собственно, был настоящим во всем. И возникшую вполне органично идею возрождения Дня Славянской письменности и культуры он выносил в душе и сердце, выпестовал, и вместе с единомышленниками, какими были, например, мурманские поэты Виктор Тимофеев или Владимир Смирнов, воплотил в жизнь. Конечно, тут проявили полную солидарность и оказали большое содействие литераторы и журналисты из Болгарии, ведь у них этот праздник никогда не отменяли и свято отмечали, а для Маслова к тому же имела огромное значение интеграция культур братских, славянских народов, связанных общими историческими вехами. А когда в девяностом году болгарские коллеги предложили наградить Маслова и Тимофеева орденами, то в ответ услышали, что не надо орденов, лучше подарите Мурманску памятник Первоучителям, святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, такой же, как стоит в Софии. И дело было сделано. Копию памятника везли через весь Советский Союз, с многочисленными остановками по пути, люди встречали памятник, как святыню, это было шествие, сравнимое с триумфальным, и с той поры есть у нас, в столице Кольского края, своя Площадь Первоучителей, перед Областной научной библиотекой. Истинное же значение этого события было затушевано иными, происходящими в то время, деструктивными и негативными, приведшими к краху СССР и наступлению очередной смутной поры. Но жизнь и работа продолжались, и впереди был первый Славянский ход «Мурман — Черногория», успешно проведенный в девяносто седьмом, и, кстати, успешно повторенный в августе-сентябре 2018-го, стараниями автора книги Дмитрия Коржова, а также еще одного моего товарища по писательской стезе, Ильи Виноградова.

Книга же, на мой взгляд, интересна еще и тем, что о главном герое на ее страницах говорит не только автор, немалое место отведено свидетельствам, высказываниям и оценкам многих и многих людей, сталкивавшихся с Виталием Семеновичем в жизни, близко его знавшим, участвовавших в общих делах и свершениях. Оттого и палитра повествования столь колоритна и разнообразна. Такое «многоголосие» помогает читателю составить свое, глубокое и взвешенное мнение о прочитанном. Стиль повествования и организация материала: деление книги на небольшие главы, которые вполне могут существовать и отдельно от основного текста, также способствуют сосредоточенному и вдумчивому восприятию информации, как будто на данный момент самой основной, главной, а также проникновению в отдельно взятую тему, ее неспешному, вдумчивому осмыслению. Опять-таки автор пишет со свойственной ему полемичностью, справедливо предвидя, что многие его мнения и выводы могут быть оспорены с известной категоричностью, пишет, не опасаясь, что может «вызвать огонь на себя». Но такая позиция лишь повышает актуальность книги, а споры и прения, уж коли таковые случатся, и станут показателем, что личность и дела главного героя не забыты, и волнуют нас до сей поры.

Слово о Виталии Семеновиче Маслове, сказанное Дмитрием Коржовым, я бы рекомендовал к прочтению прежде всего всем своим коллегам, братьям по перу, особенно только начинающим свой путь в литературе. Почему? А вот познакомьтесь поближе с «Несмирненным живописцем» и, думаю, ответ придет сам собой. А в целом книга, конечно же, предназначена для самого широкого круга читателей. Это тот случай, когда судьба человека, писателя и гражданина больше, чем его жизнь. К счастью, подобное еще встречается в нашем мире, хоть и не столь часто, как хотелось бы.

ТРИ ТИПА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЖЕНСКОГО ХАРАКТЕРА В НОВОМ РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Известный современный русский писатель-прозаик, лауреат многих всероссийских, международных и иностранных литературных премий, главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», уже второй десяток лет издающегося в Туле, член правления Академии российской литературы Алексей Яшин — давний друг, единомышленник и участник Независимого литературного агентства «Московский Парнас». А «Приокские зори» его создатель номинирует как выходящий под эгидой Академии. На второй же десяток пошел счет книгам, преимущественно романам, изданным Алексеем Афанасьевичем в «Московском Парнасе». И анализируемая нами сейчас* не исключение. И еще: Алексей Яшин — активно работающий на исследовательской ниве ученый с мировой известностью, создатель научных школ с мало что говорящим непосвященному названиями: «Биофизика полей и излучений», «Феноменология ноосферы» — и соответствующих им научных дисциплин. На мой давний вопрос о сочетании «в одной голове» серьезного, профессионального литературного творчества, столь же профессиональной научной деятельности и глубоко неформального участия в российском литературном процессе, а сейчас и в белорусском, как члена Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», ответ был получен в чисто яшинском североморском (то есть, понимай, как хочешь: с юмором, серьезно и так далее...) контексте: «Наверное, Леонид Васильевич, гены перемешались в таком порядке — или беспорядке? — отца из калужских старообрядцев-поповцев и архангельской матери с примесью шотландских кровей, у которой в ее селе Великий Халуй бытовали, как то принято в русских старинных поселениях, две фамилии: Третьяковы и Прянишниковы».

...Дело давнее и «тонкое», но появление писателя Яшина в нашем «парнасском», а далее в академическом сообществе, сразу было отмечено как «выход в московский литературный свет» незаурядного дарования с его своеобразным литературным почерком, колоритным языком, пронизательным взглядом на окружающее бытие, что сразу выдает в нем не только генетического потомка (см. выше), но и просто воспитанного в природно суровой, но человечески доброжелательной среде «владений» Краснознаменного Северного флота СССР. Там лишних слов не говорят, но все обдумывают заранее. А это обдумывание есть кладезь знаний о мире вещей и людей для будущего писателя.

...И мы в долгу не остались, отметив появление в нашем литературном сообществе такой своеобразной и заметной личности, тем более — выпускника еще знаменитого «пименовского» Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР, активиста семинара писателя-фронтовика Бориса Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника».

В издаваемой «Московским Парнасом» серии «Созвездие России» выходят книги, посвященные литературной деятельности Алексея Яшина: моя «Тульский энциклопедист» (2008) и Натальи Квасниковой «От сатирика слышу!..» (2013).

Но, как бы сказал Афанасий Андреевич, отец нашего автора, боевой моряк-североморец, «от звонка до звонка» участник Финской кампании и Великой Отечественной войны, пора и к делу.

Дело же, то есть содержание предваряемой книги, в том, что наш автор по при-

* Алексей Яшин. Женщина в челоуейнике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. — М.: «Московский Парнас», 2018. — 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). — В электронном виде см. на сайте www.pz.tula.ru

роде своего творчества есть, по определению одного из рецензентов его прежних книг, тож «парнасцев» и академистов <имя рек>, *фундаменталист*. Это не есть расхожая «окаменелость» во взглядах («Суждения черпает из забытых газет времен очаковских и покорения Крыма...») — как сказал наш классик... Хотя бы Крым в очередной раз только что возвернули!), но традиционный для классической литературы прием: не торопясь (в отличии от нынешних пиарщиков печатного слова...) и сосредотачиваясь на характерных приметах своего времени, давать словесные портреты этих явлений. Так делали наши гении Достоевский и Толстой. Что уж тут говорить о «Человеческой комедии» Бальзака, «Великих творческих эпохах» Романа Роллана, а из более близких к нам — сериях романов Артура Хейли и Вениамина Каверина...

И наш автор в своих книгах, от романа к роману, сосредотачивается на тех аспектах современного бытия, которые он полагает важнейшими — в их соподчиненности и последовательности художественного отображения.

Существенно, что события дней текущих у Алексея Яшина оцениваются в сопоставлении со временами прошлыми, хотя бы и не столь далекими. Это опять же «рабочие» приемы классической литературы, за пределы которой автор старается не выходить. Любой его роман — в канонах классики, как бы он ни старался, что называется, озадачить читателя. То подзаголовком к названию ставит «авантюрный роман», то «педагогическая поэма в трех частях»... и так далее. «Чтобы читатель заранее на дремоту не настраивался», — усмехается наш североморец.

С такой логической подоплекой, как за ним водится, Алексей Яшин и назвал свой первый роман*, где женщина уверенно выступает в главной роли, философским.

Принято полагать, что связка логика — философия — женский характер либо литературно спекулятивна, а то и вовсе абсурдна. Но, на наш взгляд, в «Любви новоюрского периода» она очень даже сработала.

Так и во второй своей книге, предвараемой сейчас нами, с «женским» движением сюжета автор придерживается оправдавшей себя триединой связки. С тем понятным уточнением, что логика и философия — за автором, а за представительницами прекрасной половины человечества — все их своеобразие, в естественной и нарочитой запутанности, которых не то что мужчина с его логикой и философией, но и они сами никогда не разберутся... Но ведь в этом, по преимуществу, и состоит сверхзадача в создании литературного женского портрета на фоне реальной эпохи — попытка разобрать такой запутанный клубок. Особенно, если автор старается смотреть на мир глазами своей героини. Сложно, конечно, все это, но ведь «нет таких крепостей», за штурм которых берется писатель, сам себя заинтриговавший — и себе же заданной головоломкой...

А ведь сегодняшняя женщина, тем более — русская, по рождению ли, по духу, стоит пристального взгляда на себя: оценивающего, анализирующего, отсеивающего зерна от плевел, а то и просто любующегося и восхищающегося.

Живем же мы сейчас в эпоху страшного раздора, душевного, морального и так далее, вплоть до материального... Это молох Антихриста-глобализма — определение Алексея Яшина. Оно из его романа «Задушевные беседы об умозамещении». Но автор в полной мере переносит его и в эту книгу. Здесь и матерому мужику, сильному русскому характеру, нелегко устоять в явной нелепице, но с нужным кому-то «курсом» всего происходящего. Каково же в таком водовороте женщинам? Даже детям здесь намного проще: за них родители думают и «разруливают». Тем более, что сейчас ювенальный возраст (гримаса эпохи!) достигает едва не половины третьего десятка лет жизни...

* Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова. — М.: «Московский Парнас», 2009. — 712 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. также в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

А женщинам сложно в такую эпоху растеряевщины гармонично сочетать в своем естестве и душе сугубо биологическое, родопродолжительное назначение и участие в социальном процессе. От последнего ведь не спрячешься за спиной мужа, не закроешься на патентованный замок ни в двухкомнатной «хрущевке», ни в коттедже на Рублевке...

Художественная литература является своеобразным, отличным от всех других видов творчества человека типом анализа. Развернутые писателем широта и глубина раскрытия заданной темы убеждают читателя или оставляют равнодушным. Сложилось ли в восприятии целостная картина — успех, не сложилась — провал. Сказанное не является экскурсом по части категории «общих слов», но оттеняет характерную для прозы Алексея Яшина творческую манеру, а именно: при всем привлекаемом событийном многообразии, сложной иерархии главных и второстепенных персонажей, колоритности образов и сцен действия, речевом разнообразии и прочих литературных приемов, характерных для русской словесности, наблюдаем сюжетное единство. Вернее, логику сюжета. Только так можно «алгеброй гармонию поверить».

Все названные отличительные особенности яшинской прозы читатель тотчас уловит при чтении, поэтому в части литературной специфики ограничимся сказанным.

При всей заостренной сюжетной линии, а во временной части и вовсе сведенной к «одному дню Лизы» — главной героини, наш автор пишет именно роман.

Алексей Яшин в прямом следовании русской классике выделяет три типа современного женского характера, прямо указывает на идущую от Достоевского традицию такой психологической дифференциации. Вовсе не случайно он дал главной героине Лизе и профессию гуманитарного психолога. Это не дань нынешней расхожей моде, дескать, хочу в экономисты-юристы, психологи-маркетологи (прости меня, Господи, за эти американизмы...). Но все та же продуманность сюжета. Не намеком, но, что называется, «прямым текстом» автор обыгрывает знаменитые сны Веры Павловны. «Второй сон Лизы» — название одной из глав.

Много в романе и других реминисценций. А вот «единодневность» сюжета уже из классики зарубежной. Кто сказал, что из нее русскому писателю нечего взять или брать зазорно?

На память сразу приходит такая сюжетная организация: «Улисс» Джойса; «Самопознание Дзено» итальянского писателя XX века Итало Звево. И, конечно же, из более далеких времен книга «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Лоренса Стерна.

Не грех учиться у Запада, если есть чему! В конце концов, по сравнению с Европой Россия — слишком молода исторически. Только бессовестно внедряемым сейчас в русский язык «нашими славными» СМИ американизмам учиться не нужно...

Но почему в названии романа женщина в человеичнике? Как объясняет сам автор в аннотации на второй странице книги, термин ввел в обиход недавно покинувший этот не лучший из миров (в особенности сейчас) Александр Зиновьев, выдающийся философ, ученый-логик и публицист.

Кстати говоря, и собственно текст романа начинается с многозначительного эпиграфа — из книги Зиновьева «Коммунизм как реальность»... Термин — по аналогии с пчельником, муравейником и пр., то есть в современном мире человек все более и более становится безликим винтиком все того же молоха — Антихриста наших дней... Предельно удачное и краткое поименование современного социума! Женщина же в человеичнике тем более становится обезличенной пчелой или муравьем. Хорошо, если она, подобно названным биологическим особям, трудится на благо своей семьи и — по необходимости — социумного молоха. Хоть это-то позволяет ей ощущать в себе остатки человечности...

Оглянитесь вокруг, уважаемый читатель, и даже во внешнем облике современной

женщины, особенно молодой, вы увидите эту принадлежность к «рою винтиков» молоха: все на них — и в них! — одинаковое, инкубаторское. Прически, вернее, их отсутствие при распущенных волосах, одежда, косметика,— все от телерекламы и третьесортных кутюрье!

А послушайте речь нынешних женщин! Даже не скудное ее содержание изумляет, а фонетика: на единой ноте «*между ля и си*» с чуждым русской речи логическим (если так можно употребить это слово) ударением — полувопросом на окончании фразы... Словно горячая картошина во рту катается. Это что — подражание англоамериканскому? Словом, вроде по-русски говорят, но речь в «фонетическом переводе».

...Но все же русская женщина таковой и остается, более-менее повзрослев и обзаведясь семьей. И тогда в них генетически проступает различие по душевному складу. Это-то и дает возможность тонко анализирующему автору увидеть в «женщинах человека» выделенные им три типа современного русского характера. Это же является одной из доминирующих задач, поставленных и решаемых Алексеем Яшиным в его новой книге.

Намеренно не раскрываю даже абрисом эти типажи. Это как в детсадовском возрасте: «Угадайте, ребятки, что у нас будет на сладкое в обед?» Ибо задача всякого всякого предудеждения — создать эффект интриги ожидания. Заметим, что наш автор не только фундаменталист, он и эстет. Даже самые интимно-тонкие моменты раскрытия черт женского характера преподносит с джентльменской вуалью, если позволите так выразиться. Эстетическое отношение к литературному творчеству Алексей Яшин переносит и на «техническую» сторону издания своих книг, полиграфически оформляя их и в наши архитектурные, затратные времена. Эстет — он во всем эстет. Это же относится и к одному из авторских «коньков»: сопровождение текста умело подобранными политипажными иллюстрациями и подписями, можно сказать — литературными миниатюрами...

Еще хочется отметить и другой авторский «конек», уже опробованный им в ряде предыдущих книг: Алексей Яшин щедро рукой «отдает» своим персонажам сугубо литературные тексты: малую прозу, стихи, афоризмы и максимы. Для создания же эффекта авторства героя своего произведения наш новатор в литературных жанрах нарочито стилизует «отдаваемое», приближает его к личности героя, «принижая» литературный слог. Сложный прием, конечно, но он, по нашему мнению, позволяет в наибольшей полноте раскрыть типаж, характер персонажа.

Так и в этой книге Яшин приводит многостраничный литературный дневник — записи Лизы, главной героини, по мере чтения которого опосредованно раскрывается образ и характер девушки, затем — взрослой женщины, которая, собственно, и делает эти записи в литературной форме — уже с высоты достаточного жизненного и интеллектуального опыта.

Алексей Яшин — писатель социальный. Данное качество главенствует во всех его произведениях, пусть и не менторски-назидательно. На то она и художественная литература...

В добрый путь — к читателю!

*Леонид Ханбеков,
Почетный президент Академии
российской литературы (г. Москва)*

